

Н.А. Ястреб

Вологодский государственный университет

СЕТЕВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются эпистемологические аспекты социальных технологий нового поколения, основанных на сервисах Web 2.0, и высоких гуманитарных технологий. Показано, что современные социальные технологии на базовом уровне интегрированы с информационными технологиями и могут быть рассмотрены как совокупность эпистемических практик, т.е. таких способов работы со знаниями и информацией, реализованной в технических объектах, которые повышают эффективность изначального знания.

Социальные технологии, высокие гуманитарные технологии, социальные медиа, социальные сети, социальная аналитика.

Вторая половина XX в. стала эпохой становления междисциплинарных исследований в современной науке, когда содержательная и методологическая специфика между частными дисциплинами и естественными и социально-гуманитарными науками в целом стала предметом критического анализа и пересмотра. Обращение естественных и технических наук к изучению человека как одного из главных объектов исследования, заявленное, в том числе, и в программах развития конвергентных технологий, привело к необходимости исследования проблем, выходящих за пределы их традиционной предметной области.

В рамках технонаучной парадигмы инженерная деятельность понимается уже не просто как создание искусственных устройств или технологических объектов, но и как социотехническая практика, включающая социальное проектирование как часть технической деятельности. При таком подходе практически любой современный крупный технологический проект необходимо подразумевает формирование «целостных контекстов, включающих в себя также их те или иные решения, институциональные структуры, сети социальных связей и т.д.» [1, с. 208]. Меняется круг задач инженерной деятельности, в который на современном этапе входит учет психологических, управленческих, экономических, экологических, ценностных, социокультурных и других аспектов.

Программы конвергентных технологий и в Европе и в США ставят основной целью улучшение качества жизни человека, но в них по-разному раскрывается как само это понятие, так и пути достижения заявленной цели. Трансгуманистическая направленность американского проекта опирается на внутринаучные тенденции, приведшие к началу XXI в. фундаментальные и прикладные проекты к возрождению идеи «человек есть мера всех вещей». Здесь человек становится точкой конвергенции, задающей цель развития всех направлений, сформулированную как расширение его возможностей и «улучшение» его самого. Одной из особенностей этого процесса, который рас-

сматривается как отражающий реальные происходящие в науке изменения, является вторжение естественных наук в святая святых социально-гуманитарных и философских концепций. Затрагиваются проблемы природы человека, ценностей, смысла жизни, социальной структуры и т.д., что формирует необходимость проведения гуманитарных исследований как социально-гуманитарной экспертизы технологических решений, инноваций, проектов. Социальная наука при этом остается внешней по отношению к инженерной деятельности, хотя и рассматривается в контексте сотрудничества, но выступает, в первую очередь, как экспертная система.

В европейской программе, ключевой автор которой, А. Нордманн, сам является профессиональным философом, а в составе экспертной группы изначально были представители социально-гуманитарного направления, социальная наука рассматривается как неотъемлемая часть проектирования, а социальные исследования – как актор технологического прогресса. Приводятся примеры того, как такие направления стимулировали развитие технологий, в частности, результаты исследования структуры процесса восприятия и специфики распознавания паттернов мозгом были успешно применены при решении проблем машинного обучения и распознавания образов; семиотика и лингвистика определили развитие технологий вероятностных рассуждений и статистического вывода; социологические теории принятия инноваций были использованы практически всеми крупными технологическими корпорациями при выработке стратегии внедрения новых устройств и приложений. Экономические и юридические исследования необходимы для системы стимулов для поддержки и распространения технологий. Ключевая идея здесь состоит в том, что технологии, созданные без учета специфики общества и человека, «будут запущены неправильно и впоследствии будут отвергнуты обществом» [2, р. 16].

Включение социальной науки как полноправного участника конвергентного развития ведущих технологических отражено в термине *NBICS-конвергенция*, широко

используемом в последнее время вместо *NBIC-конвергенции*. В данной работе используются авторские именованья, данные авторами анализируемых программ. В остальных случаях NBICS используется как указание на направление, в котором социальные исследования рассматриваются не как оценка технологий, а как часть процесса проектирования.

Одной из наиболее заметных тенденций в переосмыслении концептуальных оснований конвергентных технологий стало введение в их состав социальных технологий, с которыми связываются важнейшие изменения в понимании как сути самих технологических знаний, так их преобразующего общества потенциала. В рамках данного исследования мы сосредоточимся на описании эпистемологических аспектов и выявлении эпистемических практик, проявивших себя в социальных технологиях нового поколения.

Термин *социальная технология* появился в XIX в. и был впервые использован А. Смолем и Ч. Ричмендом (университет Чикаго) для обозначения методов усовершенствования общества [3]. Философское осмысление социальных технологий началось сравнительно недавно. Мы не находим соответствующей словарной статьи в основных философских энциклопедиях и справочниках. В социологии данный термин определяется как «система методов выявления и использования скрытых потенциалов социальной системы в соответствии с целями ее развития, совокупность операций и процедур социального воздействия на объект на пути получения оптимального социального результата» [4].

Начиная со второй половины XX в. в социологии определяются основные направления разработки и внедрения социальных технологий, среди которых центральное место занимают социальное планирование, разработка комплексных программ развития городов, регионов и отраслей, социальное проектирование решения стандартных социальных проблем, управленческое консультирование. Само понятие «социальная технология» вошло в употребление в управленческих науках лишь в 70–80-е годы XX столетия. Теория социальных технологий связана с работами таких известных отечественных социологов, как И.В. Бестужев-Лада, А.Г. Здравомыслов, А.А. Зворыкин, В.Г. Подмарков, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов и др. [5].

Одно из первых определений социальной технологии принадлежит советскому философу В.Г. Афанасьеву, который определил ее как перевод абстрактного языка науки, отражающего объективные закономерности развития общества, на конкретный язык нормативов, решений, предписаний, регламентирующих и стимулирующих людей на достижение поставленных целей.

В зарубежной социальной философии проблематику социальных технологий рассматривал К. Поппер. В работе «Открытое общество и его враги» он анализирует феномен социальных технологий, предлагает их типологию и выступает с жесткой критикой социальной инженерии как масштабных экспериментов над обществом, состоящих в насаждении теоретических моделей утопического социального порядка, приводящем в конечном итоге к утверждению тоталитаризма. Идеальное государство Платона он называет

утопической инженерией, а проект Маркса – жесткой социальной инженерией, критикует их и предлагает мягкий вариант «поэтапной инженерии»: «применяющий его политик может как иметь, так и не иметь перед своим мысленным взором план общества, он может надеяться, а может и нет, что человечество однажды воплотит в жизнь идеальное общество и достигнет на земле счастья и совершенства. Однако он будет сознавать, что если человечество и способно достичь совершенства, то это произойдет еще очень не скоро, и что каждое поколение людей, а значит поколение наших современников стремится не столько к тому, чтобы его ошастливили – ведь не существует институциональных средств, позволяющих сделать человека счастливым, – сколько к тому, чтобы его избавили от несчастий, которые человечество способно предотвратить» [6, с. 201].

Разделив социальные технологии на «утопическую инженерию», которая изначально антигуманна и тоталитарна, и «поэтапную инженерию», Поппер тем самым признает необходимость социальных технологий как таковых и предлагает сосредоточиться на их сущности и особенностях их использования.

Введение социальных технологий в круг актуальных вопросов отечественной философии произошло, прежде всего, благодаря И.Т. Касавину. Он исходит из определения социальной технологии как «коммуникационно-деятельностной формы проявления социального субъекта на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках» [7, с. 101].

Радикальным поворотом в сфере социальных технологий стало создание социальных сетей и интернет-сервисов, основанных на технологиях Web 2.0. Содержание этого поворота не сводится к появлению новых средств воздействия на человека и общество, а подразумевает изменение самой «технологии» *социальной технологии*. Объединение миллиардов людей в социальные сети, создание микроблогов и новых социальных медиа позволило каждому человеку самому стать медиа, делиться содержанием и социальными связями с другими пользователями.

Социальные медиа представляют собой новый вид коммуникации, основанный на использовании различных интернет-приложений, или сервисов Web 2.0, которые позволяют пользователям создавать контент и взаимодействовать друг с другом. Это взаимодействие может принимать различные формы, которые включают: обмен ссылками на интересный контент, произведенный третьими лицами; общественные обновления публичной информации – профиля, в том числе о текущей деятельности и даже данные о местоположении; обмен мультимедийной информацией – фотографиями, видео и сообщениями. Социальная медиа может быть определено как «онлайн ресурс, который позволяет не просто просматривать информацию об интересующем явлении, но участвовать в обсуждении общественно значимых проблем и создавать различные сообщества, а также самостоятельно добавлять какую-либо информацию о деятельности организации (аудио, видео, фото)» [8, с. 109].

В таких условиях функцию генерации информации и освещения событий может выполнять любой человек, использующий соответствующее приложение. К настоящему времени сложилась первичная типология социальных медиа, включающая сервисы микроблогов, основанные на мгновенном обмене короткими сообщениями; блоги и лонгриды, предполагающие развернутые описания и отзывы; сервисы совместной работы в сети, а также мультимедиахостинги и ряд других.

В то же время, технологии больших данных (BigData) позволяют анализировать эту информацию и создавать алгоритмы ее обработки для решения конкретных задач, от формирования маркетинговых предложений, адаптированных под конкретного пользователя, до выявления едва намечающихся изменений политических предпочтений участников глобального сетевого взаимодействия.

Задача таких сетевых технологий состоит в том, чтобы собирать полезные данные и сделать их еще более полезными, т.е. они могут быть рассмотрены как эпистемические практики. Практически с самого возникновения медиафилософии возникает и обосновывается ее теоретиками идея активности медиа, выходящего за пределы функции передачи информации, трансформирующего транслируемое содержание, «наряду со «слабым» значением медиа как нейтрального, индифферентного к смыслу средства передачи информации от отправителя к получателю «сильное» его значение включает в себя опосредование и посредника, которое его дополняет и расширяет» [9, с. 94]. Медиафилософия, хотя и использует чаще всего отличный от эпистемологического инструментарий, ставит задачи, тесно пересекающийся с исследуемыми нами проблемами эпистемических практик. Как указывают И.М. Чубаров и А.Л. Рябова, главным вопросом медианауки является то, какое сообщение являет собой каждый новый медиум и «как он трансформирует тем самым набор ценностных ориентаций человеческой цивилизации, модели социальных отношений, поведение и способы восприятия» [там же].

Однако новое медиа не является нейтральным не только в ценностном или социокультурном отношении. Имея в своей структуре технологии интеллектуального анализа, оно перестает быть эпистемологически нейтральным. Новые медиатехнологии одновременно могут быть названы эпистемическими практиками, поскольку предполагают конструирование данных и метаданных и их использование для принятия решений и генерирования алгоритмов, запускающих или блокирующих те или иные информационные процессы в сетевом пространстве.

Одним из первых примеров проявления эпистемических практик в социальных технологиях стала социальная аналитика, представляющая собой различные методы мониторинга, анализа, измерения и интерпретации цифровых связей и отношений людей, а также актуальных в сети тем, идей и распространяемого содержания. Социальная аналитика включает в себя анализ настроений, обработку сообщений на естественном языке, анализ социальных сетей (профилей, динамики, способов взаимодействия) и передовые методы, такие как анализ текста, прогнози-

рующее моделирование, автоматизированную идентификацию и классификацию предметов и тем сообщений, людей или содержания сетевого взаимодействия. Технологии социальной аналитики позволяют выявлять социальные связи в коллективах и распределенных сообществах, отслеживать происходящие изменения и использовать данные при принятии политических, экономических или социальных решений.

В методах социальной аналитики также наглядно проявился сам феномен конвергенции. Так, в исследованиях механизмов распространения информации в микроблогах и социальных сетях при анализе данных были использованы методики, ранее разработанные для исследования распределения мутаций в популяциях живых организмов, бактериальных и вирусных патогенов во время эпидемий [10, р. 754]. В частности, был выявлен «эпидемиологический порог», то есть значение коэффициента соотношения репостов, комментариев и упоминаний информации, при котором она становится известна большинству пользователей социальной сети. Кроме того, стоит упомянуть, что сфера информационных технологий всегда активно заимствовала биологическую терминологию для описания процессов распространения информации между пользователями, как на уровне профессионального жаргона, так и в официальной терминологии (к примеру, вирус и антивирус, заражение и т.д.).

Информационные технологии, как в случае биотехнологий, для социальных исследований стали не просто вспомогательным средством, инструментарием, но и определили изменение понимания самого общества, которое для специалиста по социальным технологиям представляет собой динамичный массив данных от множества акторов, объединенных сетевым взаимодействием. Интеграция информационного и социологического подходов к пониманию социальных процессов нашла свое отражение в виде технологий социальных вычислений, которые основываются на идее о том, что любое принятое человеком решение осуществляется в социальном контексте, следовательно, социальная информация должна служить основой для планирования любой деятельности.

Социальные вычисления – это технологии, поддерживающие сбор, представление, обработку, использование и передачу информации, которая распространяется в социальных группах, таких как исследовательские или бизнес-команды, сообщества, организации, рынки и т.д. Значимость этой информации связана именно с тем, что она связана с людьми, которые, в свою очередь связаны с другими людьми. Цель разработки технологий социальных вычислений состоит в том, чтобы понять, каким образом системы людей и компьютеров могут быть использованы в качестве посредников между людьми и используемыми ими инструментами. Теоретической основой социальных вычислений являются социальная психология и киберпсихология. Социальная психология охватывает такие темы, как принятие решений, убеждения, формы группового поведения и т.д. Когнитивные науки и эпистемология также играют огромную роль в понимании социальных вычислений и сетевого поведения человека. Таким образом, социальные вычисления – это программные продукты, учитывающие

социальные особенности существования человека и технологии применения компьютерных средств для решения социальных целей. Наиболее наглядными примерами таких продуктов служат социальные медиа, сетевые компьютерные игры, блоги, wiki-технологии, чаты и т.д.

Главным источником данных для социальной аналитики и социальных вычислений в XXI в. выступают уже не столько традиционные опросы, предполагающие ручной трудоемкий сбор и оцифровку сведений, сколько социальные сети, автоматически собирающие разнообразную информацию, касающуюся своих пользователей и их активности. В широком смысле социальная сеть определяется как цепочка отдельных лиц и их личных связей. Концепция социальных сетей строится на теории «шести рукопожатий», согласно которой любые два человека на Земле связаны друг с другом в среднем пятью знакомыми-посредниками. Следовательно, для того, чтобы объединить в сетевое взаимодействие миллионы людей, достаточно предоставить им возможность делиться с другими пользователями своими личными связями, на чем и основана работа социальных сетей, таких как Facebook, или бизнес-сетей, таких, как LinkedIn.

Социальные сети не просто меняют привычные нам формы коммуникации, они вызывают глобальные эпистемологические и онтологические трансформации: «на место получения принципиально нового знания приходит управление уже полученным знанием... эпистемология объединяется с менеджментом знания через категорию «управления» [11]. Непрерывный обмен письменными сообщениями, файлами и ссылками вызывает «эпидемию контента» и децентрализацию информационного пространства, сохранившуюся на предыдущем этапе развития сети, в эпоху Web 1.0. На смену сайтам приходят приложения, на смену скачиванию – обмен и перепост с комментариями, своеобразная «производная» контента. Знание не выкладывается в сеть в готовом виде, не крадется и не дарится, «теперь оно рождается во взаимодействии пользователей» [11].

В сетях формируются свои, динамичные, способы упорядочивания информации в условиях ее лавинообразного нарастания, которые можно рассматривать как эпистемические практики, позволяющие пользователю не «утонуть» во множестве медиаматериалов. Это, в частности, адаптивные ленты, создаваемые интеллектуальными алгоритмами для каждого пользователя социальных сетей на основе его предпочтений и особенностей активности в сети, и методы маркирования информации, например, хэштеги, позволяющие мгновенно создавать ленты сообщений по любой тематике. Сетевое взаимодействие давно достигло такого уровня усложнения, который создает широкие возможности для социальной самоорганизации, что наглядно демонстрируют, к примеру, сетевые научно-исследовательские коллективы и лаборатории.

Главной когнитивной новацией социальных сетей стало то, что пользовательская информация, аккумулируемая ими, представлена не потоком данных, а в виде особых динамичных интегрированных структур – социальных графов. Личные данные, социальные связи и их структура, социальные отношения и пер-

сональные предпочтения человека выстраиваются в социальный граф, проявляющийся на двух уровнях. На коммуникационном он детерминирует индивидуальное информационное пространство пользователя, а на информационном позволяет собирать сведения о практически любых сторонах личности или деятельности активного в сети человека. В обоих случаях использование социальных графов позволяет получить практический результат. Пользователь, владеющий методикой управления таким структурой, может определять как содержание и структуру своего сетевого пространства, так и границы доступности его личных данных автоматическим системам и другим пользователям. Интегрированная информация о человеке, в свою очередь, может повысить эффективность интеллектуального поиска в ответ на запросы такого пользователя, сформировать для него индивидуальное рекламное предложение, сгенерировать рекомендации по выбору сетевых друзей, медиа-контента и т.д.

Социальные сети не исчерпывают всех направлений, по которым ведется разработка социального программного обеспечения. Сюда относятся сетевые гиды, социальные закладки, которыми можно делиться с друзьями, сетевые системы хранения данных, виртуальные миры. Особую актуальность приобретают технологии ограничения сетевой активности, которые сами по себе являются сетевыми технологиями. В образовании, в бизнес-среде, где люди могут не справляться с поставленными задачами из-за того, что тратят слишком много времени в сети, достаточно остро стоит проблема ограничения сетевого взаимодействия.

Потенциал самоорганизации, создаваемый современными глобальными компьютерными сетями, в настоящее время можно оценить только приблизительно. Одной из наиболее интересных тенденций в мировом информационном пространстве стал феномен краудсорсинга, включающий метод распределенных вычислений, когда множество людей в сети предоставляют вычислительные мощности своих компьютеров для решения каких-либо масштабных исследовательских задач или использование «интеллекта толпы», когда большие группы людей добровольно участвуют в реализации тех или иных исследовательских проектов в сети. Установив небольшую программу, любой человек может поучаствовать в астрономических вычислениях, химических или биологических экспериментах или решении математических задач, посильных только суперкомпьютерам. Интернет людей – это концепция высокоуровневой информационной технологии, нового поколения социальных сетей, которая будет способна интегрировать при помощи сетевых технологий интеллектуальные и технологические возможности отдельных участников для решения коллективных задач.

Одним из наиболее показательных направлений в рамках вычислительного подхода в социальной сфере стали «Human Computation», или машинные вычисления с помощью человека. Традиционное понимание вычислительных машин предполагало их использование в качестве «усилителя» интеллектуальной деятельности человека. Однако достаточно быстро стало понятно, что целесообразной является не только пе-

редача ряда операций от человека к машине, но и компьютер может успешнее решать задачи, если получит возможность обращаться к человеку за помощью, например, при распознавании изображений. Проекты с использованием такого «распределенного мышления» (distributed thinking) активно стали распространяться в 2000-х гг. На смену классическому пониманию искусственного интеллекта как самостоятельной автономной искусственной системы, обладающей когнитивными способностями, таким образом, приходят концепции гибридного человеко-машинного интеллекта.

Социальные технологии состоят в использовании знаний о человеке и обществе для осуществления воздействия на социум и процессы, происходящие в нем. Гуманитарные технологии, в свою очередь, фокусируются на человеке, изменении его поведения, когнитивных или иных личностных особенностей, ценностей, интеллекта, жизненных приоритетов, т.е. это «производство новых способов деятельности» [12, с. 63]. Если основным ресурсом традиционных технологий является материя в той или иной форме, то главным ресурсом гуманитарных технологий являются человек и знание [13].

В конце XX в. появляется термин «высокие гуманитарные технологии» (hi-hume), предметом которых является «преобразование биосоциальной природы человека, т.е. трансформация его генетического, когнитивно-логического и социокультурного кодов» [14, с. 283].

Высокие гуманитарные технологии направлены на осознанное проектирование человека и общества, это «методики, позволяющие эффективно и целенаправленно воздействовать на “общественное сознание” и тем самым на общественные процессы» [15], или «воздействие и формирование живого человеческого сознания». Российский экономист М.Г. Делягин подчеркивает, что высокие гуманитарные технологии отличает именно проективный характер воздействия на человека и приводит в пример PR (public relations), суть которых состоит в формировании в обществе благоприятного восприятия какого-либо объекта. Если реклама и маркетинг, отмечает он, приспособливают товар к вашим потребностям, то «PR приспособливает вас к уже имеющемуся товару» [16].

Конец XX в. демонстрирует парадигмальный сдвиг в понимании целей научного и технического познания, который можно назвать антропологическим поворотом. Научно-техническое развитие европейской цивилизации и сама идея прогресса традиционно основывалась на идее преобразования природы и ее подчинения потребностям человека. Среди причин изменения этой идеи, безусловно, нужно отметить негативные экологические последствия и биосферные трансформации, вызванные появлением у человека средств, инструментов и возможностей кардинально менять сложившийся в природе порядок. Примерами могут служить активная добыча полезных ископаемых, строительство масштабной инфраструктуры, меняющей традиционные ареалы обитания животных и растений, вырубка лесов и т.д. Однако не менее важны и мировоззренческие изменения и структурные трансформации самой науки. На первый план выходят

исследования, непосредственно связанные с человеком, и технологии, которые могут обеспечить интеллектуальное и физическое здоровье, комфорт, безопасность, обучение и развлечения. Нарастание проявлений общества потребления в виде экономических кризисов, экологических и социальных проблем привело к необходимости переосмысления потребностей самого человека, переоценки его планетарных амбиций. В итоге современность можно рассматривать как «некий закономерный этап в развитии человечества, когда его воздействие на биосферу достигло некоторого предела, и стало легче изменять самих себя, чем изменять биосферу»¹.

Высокие гуманитарные технологии в таких условиях становятся даже более значимыми, чем традиционные ресурсы, например, деньги. Обладание технологиями, способными формировать потребности и требуемые социальные процессы или формы поведения, становится важнейшим фактором конкурентоспособности производителей товаров и услуг, политического влияния, экономической успешности.

В настоящее время можно выделить ряд сложившихся направлений развития высоких гуманитарных технологий, к которым относят технологии управления сознанием, PR, образовательные технологии, когнитивные технологии, «фабрики мысли», биотехнологии, нейротехнологии, геронтологию и разработку технологий продления индивидуальной человеческой жизни, генные технологии, человеко-машинные интерфейсы и многие другие.

Очевидно, что потенциал социальных преобразований, отличающий высокие гуманитарные технологии, одновременно означает широкие возможности для манипуляций сознанием индивида, социальных групп и общества в целом. Иногда hi-hume понимаются буквально как технологии манипуляции человеком: «подчеркнем, что в нашем понимании Hi-Hume речь идет не об «очеловечивании» техники и технологий, а о технологиях, которые предназначены для целенаправленного изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового... мощь этих технологий настолько велика, что они способны разрушать механизмы саморегуляции человека и социума»².

В то же время, нельзя не отметить, что высокие гуманитарные технологии имеют значительный потенциал для развития человека, его когнитивных способностей, социальных и личностных качеств, для воспитания нравственных и ценностных ориентаций.

Рассмотренные социальные и гуманитарные технологии представляют лишь малую часть того многообразия технологических средств, которые уже имеются и разрабатываются для управления человеческими ресурсами. Но даже этот неполный перечень наглядно показывает, что социальные технологии не просто являются значимыми, они выступают услови-

¹ Делягин М.Г. Глобализация: влияние нового уровня открытости на международную конкуренцию и общественные отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/information/HighHume.htm> (дата обращения 11.10.2015).

² Жукова Е.А. Человек в плену у hi-hume // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 11. – С. 30.

ем для внедрения любой технологической или научной инновации, что ставит проблему их социально-гуманитарной экспертизы, а также совершенно новые задачи перед современным образованием, в том числе технологическим, поскольку любая деятельность погружена в стремительно меняющееся социальное взаимодействие, что нужно прогнозировать и учитывать.

Литература

1. Андреев, А.Л. Технонаука / А.Л. Андреев // *Философия науки*. – 2011. – № 16. – С. 200–218.
2. Nordman, A. *Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies* / A. Nordman. – Luxembourg: European Communities, 2004. – 65 p.
3. Smal, A.W. *Seminar Notes: The Methodology of the Social Problem. Division I. The Sources and Uses of Material* / A.W. Smal // *The American Journal of Sociology*. – 1898. – № 4 (1). – P. 113–144.
4. Социологический словарь *Socium* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/572/symbol/209> (дата обращения 01.11.2015).
5. Пестова, Г.А. *Социология управления: учебное пособие* / Г.А. Пестова. – Москва: Академия Естественных наук, 2011. – 104 с.
6. Поппер, К. *Открытое общество и его враги* / К. Поппер. – Москва: Международный фонд «Культурная инициатива»; Soros Foundation (USA), 1992. – 490 с.
7. Касавин, И.Т. *Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры* / И.Т. Касавин // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 6. – С. 100–111.
8. Шестеренкина, Л.П. *Основные характеристики новых социальных медиа* / Л.П. Шестеренкина, И.Д. Борченко // *Ученые записки ЗабГУ*. – 2014. – № 2 (55). – С. 107–111.
9. Чубаров, И.М. *Медиа, медианаука и философия медиа* / И.М. Чубаров, А.Л. Рябова // *Логос*. – 2015. – № 2. – С. 92–105.
10. *Handbook of Human Computation*. – New York: Springer, 2013. – 1058 p.
11. Опенков, М.Ю. *Философия социальных сетей. Коммуникация знания* [Электронный ресурс] / М.Ю. Опенков, М.Н. Лысоченко. – Режим доступа: <http://www.ifar.ru/pr/2012/n121108a.pdf> (дата обращения 01.11.2015).
12. Узлов, Н.Д. *Настоящее и будущее гуманитарных технологий* / Н.Д. Узлов // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология*. – 2011. – № 4. – С. 62–70.
13. Барышников, П.Н. *Философия IT, high-hume и... мифология* / П.Н. Барышников // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. – 2012. – № 3. – С. 15–23.
14. Чешко, В.Ф. *HighHume (биовласть и биополитика в обществе риска): учебное пособие* / В.Ф. Чешко, В.И. Глазко. – Москва, 2009. – 319 с.
15. *Практика глобализации: игры и правила новой эпохи* / под ред. М.Г. Делягина. – Москва, 2000.
16. Делягин, М.Г. *Глобализация: влияние нового уровня открытости на международную конкуренцию и общественные отношения* [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/information/HighHume.htm> (дата обращения 11.10.2015).

Рецензент – А.Ю. Нестеров, доктор философских наук, зав. кафедрой философии и истории Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет).

N.A. Yastreba

SOCIAL NETWORK TECHNOLOGY: THE EPISTEMOLOGICAL DIMENSION

The article examines the epistemological aspects of the new generation of social technologies based on Web 2.0 services and high humanitarian technologies. It is shown that modern social technology at the basic level are integrated with information technologies, and can be viewed as a set of epistemic practices, which are defined as methods of work with knowledge and information, implemented in technical objects enhancing efficiency of original knowledge.

Social technologies, high humanitarian technologies, social media, social networking services, social analysis.